

Миссиотропная аксиология университета

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-60-71

Цхадая Николай Денисович – д-р техн. наук, проф., президент университета, president@ugtu.net

Безгодков Дмитрий Николаевич – ст. преподаватель, dbezgodov@ugtu.net

Беляева Оксана Игоревна – начальник отдела стратегических коммуникаций, obelyaeva@ugtu.net

Ухтинский государственный технический университет, Ухта, Россия

Адрес: 169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Первомайская, 13

Аннотация. Под аксиологией университета авторы понимают институт ценностей, логически связанный с природой научного образовательного знания как предмета и цели основной деятельности вуза. Ключевым критерием знания утверждается доказательная достоверность, смысл которой раскрывается в статье с позиции русского интуитивизма, соединяющего метод рефлексивного анализа с традицией онтологического доказательства. В соответствии с сущностной ориентацией университета на воспроизводство знания как безусловного общественного блага, он квалифицируется как миссиотропная организация.

Идея университетской миссиотропной аксиологии предлагается в качестве гуманистической альтернативы капиталистическому идеалу глобальной социальной гармонии. С опорой на методологический потенциал фундаментальной мотивационной матрицы (ФММ) выявляются кастовые атрибуты последнего, раскрывается специфический характер апелляции к моральной ответственности в контексте корпоративного управления, отмечается тенденция к юридизации и этической ответственности в связи с её инструментальной трактовкой в условиях глобальной рыночной конкуренции.

Ключевые слова: аксиология, миссиотропные организации, капитализм, кастовый идеал глобальной социальной гармонии, университет, знание, сомнение, истина, цель, ценность, фундаментальная мотивационная матрица

Для цитирования: Цхадая Н.Д., Безгодков Д.Н., Беляева О.И. Миссиотропная аксиология университета // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 7. С. 60-71. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-60-71

Missiotropic Axiology of the University

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-60-71

Nikolay D. Tskhadaya – Dr. Sci. (Engineering), Prof., President of the University, 74402@ugtu.net

Dmitry N. Bezgodov – Senior lecturer, dbezgodov@ugtu.net

Oksana I. Belyaeva – Head of the Department of strategic communications, obelyaeva@ugtu.net
Ukhta State Technical University, Ukhta, Russia
Address: 13, Pervomaiskaya str., Ukhta, Komi Republic, 169300, Russian Federation

Abstract. The authors view the the of the university as a system of values that is logically connected with the nature of knowledge as the subject, goal, and highest value of the university's main scientific and educational activities. The key criterion of knowledge is the evidential validity. The article reveals its meaning from the position of Russian intuitionism, which combines the method of reflexive analysis with the tradition of ontological proof. The authors treat the meaning of absolute truth intuition as the basis of the value function of knowledge in relation to university education. In accordance with the essential orientation of universities to the reproduction of knowledge, that is the unconditional public good, they are qualified as missiotropic organizations.

The University's missiotropic axiologic is justified as a humanistic alternative to the capitalist ideal of global social harmony. Based on the methodological potential of the fundamental motivational matrix (FMM), the caste attributes of the latter are revealed. The specific nature of the appeal to moral responsibility in the context of corporate governance is revealed; the tendency to legalize ethical responsibility in connection with its instrumental understanding in the context of global market competition is noted.

Keywords: axiologic, missiotropic organizations, capitalism, global social harmony caste ideal, university, knowledge, doubt, truth, purpose, value, fundamental motivational matrix

Cite as: Tskhadaya, N.D., Besgodov, D.N., Belyaeva, O.I. (2021). Missiotropic Axiologic of the University. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 7, pp. 60-71, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-7-60-71 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

В глобальном информационно-коммуникационном универсуме, если рассматривать его как вместилище и сложный комплекс дискурсивных полей, явным образом доминирует ценностный дискурс [1]. Два очевидных обстоятельства определяют исключительное положение дискурса ценностей. Во-первых, феномены любых дискурсивных полей – природные явления, политические решения, полезные вещи и т.п. – легко предстают в модусе ценностей, то есть ценностной интерпретации подлежат любые фрагменты реальности, чего нельзя утверждать о естественнонаучной, политической или прагматической. Во-вторых, крупнейшие, наиболее заметные организаторы культурного пространства явным образом отдают приоритет ценностному дискурсу. Все решения глобальной политической элиты принимаются для защиты и продвижения некой суммы ценностей. Реклама полезных вещей, а тем более вещей мнимо полезных систе-

матически возводит их на пьедестал терминальных ценностей. Даже индустрия развлечений, допуская на своём дискурсивном поле глумление над определёнными ценностями, в целом демонстрирует ценностный пафос – как минимум, приверженность ценностям индивидуальной свободы и свободы самовыражения. Наряду с политической элитой, доминирование ценностного дискурса поддерживает и глобальная экономическая элита. Субъекты предпринимательской деятельности – от глобальных корпораций до небольших компаний – декларируют стратегическую приверженность определённым ценностям. Ценности объявляются основой политики социальной ответственности конкретных компаний и образуют ключевой компонент корпоративной культуры [2; 3].

Университеты по природе своей основной – научно-образовательной – деятельности являются не только ценностно-ориентированными организациями, но и выступают своеобразными глобальными генераторами

ценностей и ценностных интерпретаций реальности. Однако объективное положение университетов в современном ценностном континууме отнюдь не гармонично. Сам феномен знания вступает в весьма напряжённое взаимодействие с глобальным капиталистическим идеалом социальной гармонии, то есть с доминирующей в глобальном информационном пространстве системой ценностей; «господствующее и основополагающее значение научного знания является точкой скрепки между дискурсом университета и дискурсом капитализма» [4].

Одной из замечательных особенностей современной капиталистической экономики является парадоксальное сочетание обязательного наличия широкоэшелонной социальной миссии у всех значимых субъектов этой экономики при явном отсутствии реальной социальной миссии у части этих субъектов или неочевидности таковой у некоторых других. Социальные миссии алкогольных или табачных компаний можно только выдумывать. Социальная миссия производителей предметов роскоши, как минимум, неочевидна. Кроме того, императив прибыльности в деятельности капиталистического предприятия даёт основание подозревать, что декларируемая таким предприятием социальная миссия имеет сугубо рекламный характер.

Университеты являются яркими представителями миссиотропных организаций, для которых исполнение социальной миссии является сущностной целью их деятельности. Основная, то есть научно-образовательная, деятельность университета традиционно определяется как производство и передача знания. Само его содержание, передаваемое в процессе университетского образования, а также и качество предполагают необходимость научно-исследовательской деятельности в пространстве университетского образования. Преподаватель и студент университета должны быть конгениальны учёному, должны говорить с ним на одном языке, пусть и не так свободно, как учёный, постоянно совершенствовать этот язык.

Университет передаёт такое знание, которое нельзя выучить как речёвку, нельзя принять, не разобравшись в нём до самой фундаментальной его основы.

Знание – это такое социальное благо, которое принципиально противится секретности, и не в смысле институционального права на то или иное знание, а в смысле принципиальной открытости человеческому сознанию исконных источников знания. Специфика базовой деятельности университетов обуславливает не только их принципиальную миссиотропность, но и связанную с миссией систему ценностей. В отличие от многих других видов организаций, особенно из категории немиссиотропных, которые могут позволить себе «конструирование ценностей», университеты ориентируют свою деятельность в соответствии с логически связанной и обоснованной системой ценностей. В принципе, логичность является формой ценностного измерения университетской организационной культуры, в соответствии с чем представляется удачным именование его аксиологией университета [5].

Университетская аксиология: знание как цель и ценность

Утверждение знания в качестве основной цели высшего образования в современных условиях воспринимается отнюдь не как бесспорное. Дело не только в релятивистской тональности глобальной социокультурной ситуации вообще, но и в конкретных тенденциях развития нынешней системы образования [6]. Обсуждение компетентного подхода в научной литературе даёт повод ставить под сомнение доминирующую позицию знания в процессе подготовки профессионала. В определении понятия «компетентность» родовыми оказываются понятия «способность» и «готовность». Вообще, в большинстве случаев расширительной трактовки знания под эту категорию подводятся хорошо известные отечественной теории образования и хорошо зарекомендовавшие себя в образовательной практике

понятия «умения» и «навыки». Складывается впечатление, что в ходе освоения компетентностного подхода произошла серия вполне понятных, но не до конца логичных отождествлений. Компетенции в отдельных контекстах вполне можно трактовать как эквиваленты классических отечественных ЗУНов (знания, умения, навыки). Выражение «компетентный человек» (профессионал, специалист) в определённых контекстах вполне эквивалентно выражению «знающий человек». В ситуации хорошо развитых умений и навыков при их реализации в профессиональной деятельности знания действительно уходят на второй план и часто просто забываются. При этом человека, хорошо выполняющего определённые профессиональные функции, назвать «незнающим» язык не повернётся. В таком случае легко появляется подозрение, что навыки – это разновидность знаний.

Для разъяснения различия целевого и ценностного статуса знания в университетском образовании будем опираться на отдельные положения русского интуитивизма [7; 8]. «Процесс знания как процесс дифференцирования путём сравнения неизбежно выражается не иначе как в форме суждения» [7, с. 199]. Истинность суждений устанавливается самыми многообразными способами. Но наиболее фундаментальный и с жизненной точки зрения наиболее ценный – это умозрительный, или теоретический, способ установления истины. Наиболее фундаментальный – потому что любой эмпирически установленный факт приобретает свой статус только при его соотнесении с аксиоматическим каркасом той теории или науки, или горизонта жизненного опыта, в рамках которых он установлен [7]. А аксиомы формулируются в результате умозрительного, то есть чисто теоретического различия: это результат «умозрительного эксперимента», как выражается Н.О. Лосский [7]. Умозрительный эксперимент жизненно ценен, поскольку эмпирический, или чувственный, опыт часто труднодостижим, но самое глав-

ное – чреват колоссальными опасностями для жизни и здоровья: определить доброкачественность продукта, например, всегда лучше до употребления его в пищу, на расстоянии.

Постоянный процесс появления нового знания, устаревание знания, опровержение ложного знания указывают, с одной стороны, на необходимость установления достоверности знания, ибо только достоверное знание является ценным, с другой – на относительный характер большей части запаса знаний, каковым обладает человечество, ведь то и дело различные теории и просто суждения дискредитируются как ложные, неполные или попросту устаревшие. На этом исторически подтверждаемом факте относительности конкретных знаний базируется эпистемологический релятивизм. Однако классическая философия всегда настаивала на немыслимости относительного знания или относительной истины вне интуиции абсолютной истины. Эта очевидность может быть разъяснена достаточно аналитическим способом.

В качестве операционального эквивалента понятия «очевидность» можно рассмотреть понятие несомненности: очевидным можно квалифицировать любой факт, сомнение в котором немыслимо [8; 9]. Феноменология возводит соответствующую рефлексивную традицию к Декарту [10, с. 322]. Франк справедливо полагает её магистральной методологической традицией философии, концентрированное выражение которой он видит в истории онтологического аргумента [8; 11]. Определение сомнения может быть дано как хорошо структурированная модель: сомнение – это аналитическое рассмотрение двух или более альтернативных суждений (мнений, представлений, гипотез) относительно исследуемого объекта с целью выбора единственного адекватного в свете интуиции истины [12]. Сомнение опознаётся в сознании сразу же, как только в отношении того или иного мнения появляется альтернативное, претендующее занять место исходного. При небольшом дополнительном внимании к

возникшей интеллектуальной ситуации нетрудно обнаружить, что исходное мнение направлено на некий предмет, который до момента сомнения, в ситуации тривиальной уверенности, сливался с исходным мнением. Теперь предмет и мнение оказались различны, так что мнение ясно осознаётся как совокупность характеристик, усматриваемая или приписываемая предмету, на который оно направлено. Только теперь содержательных комплексов в сознании опознано два, и они конкурируют между собой за статус комплекса признаков, адекватно идентифицирующих данный конкретный предмет. Это конкурентное отношение имеет смысл, только если оно мыслится разрешимым в любой сколь угодно долгосрочной перспективе. Принципиально неразрешимое сопоставление мнений, претендующих на адекватность, превращает их в множество рядоположенных мнений, каковых может быть сколь угодно много и каковые по своему положению в отношении опознанного предмета исходного мнения ничем не будут отличаться от всего множества наличных и возможных мнений, имеющих место в сознании любого субъекта, обратившего внимание на данный опознанный предмет. Это такая бесконечная пролиферация: что угодно можно мыслить о данном предмете, если задача его идентификации в принципе неразрешима. Такая интеллектуальная структура принципиально не соответствует модели сомнения. Модель сомнения немыслима без момента разрешимости сомнения, а в реальном интеллектуальном действии сомнения разрешимость и делает сомнение действенным, продуктивным, и только поэтому феномен сомнения заслужил такую высокую оценку в науке, философии, в культуре вообще [13].

А как структурно мыслится эта разрешимость сомнения? К принципиальной триаде структурных элементов феномена «сомнение» – два как минимум альтернативных мнения в отношении одного предмета сомнения – добавляется четвёртый элемент: интуиция истины, то есть истины как таковой, или

абсолютной истины. С точки зрения исследовательского процесса разрешение сомнения мыслится как достижение такой ситуации, когда предмет будет увиден сам по себе и истинное мнение, то есть знание, осуществится как присутствие предмета самого по себе как он есть в действительности в акте сознательно-го усмотрения этого предмета [7]. Изменяется среда познания, она проясняется. Классическая метафизика обозначает эту ситуацию концептуальной метафорой «свет истины». Предмет как бы освещается неким абсолютным – предельно чистым и интенсивным – светом и становится ясным, открытым по сути умственному взору познающего субъекта.

Таким образом, в опыте научного познания и в процессе образования любое знание, поскольку оно логически может быть поставлено под сомнение (картезианский принцип радикального сомнения), имеет статус относительного. Но сама интуиция истины, вне которой невозможен акт сомнения, тем более познавательная деятельность в целом, является абсолютной, неотменимой.

В процессе образования человек осваивает множество знаний, которые составляют основу его компетенций. Большая часть этого знания имеет статус относительно истинного: со временем оно будет устаревать, вытесняться другим знанием, уточняться и даже опровергаться. И это относительное знание как основа компетенций и искомого профессионализма выпускника является основной целью университетского образования. Однако образование даёт и другой фундаментальный результат, достижение которого чаще всего не ставится в качестве цели образования, но недостижение которого невозможно, если действительно достигнута цель освоения относительного знания. Этот результат – опыт познания в свете интуиции истины. Проще говоря – понимание, что истина существует. В процессе образования истина выступает как цель особого рода, а именно как фундаментальная ценность, определяющая горизонт целеполагания в процессе образования.

Разумеется, образование как любая сложная деятельность осуществляется с ориентацией на множество различных ценностей. Истина, или истинное знание, выступает системообразующей вершиной в отношении множества ценностей образования [14]. В аксиологии университета ключевыми представляются ценности истины, личности и Родины. Обоснование университетской триады ценностей было предложено авторами в соответствующих публикациях [14–16].

Миссиотропность университета: эгалитарная элитарность знания

Миссиотропными здесь именуется организации, чья основная деятельность направлена на достижение таких результатов, которые являются безусловным широко востребованным общественным благом.

Хотя в условиях современной рыночной экономики, глубоко адаптированной к особенностям современного информационно-коммуникативного пространства, все организации формулируют собственные «миссии» и стремятся подчеркнуть демонстрировать свою последовательную приверженность им, далеко не все из них являются миссиотропными. Более того, уставная нацеленность на прибыль субъектов предпринимательской деятельности и установка на рост капитализации априори предполагают диссонансный характер реализации социальной миссии даже для производителей однозначно социального продукта – лекарств, например [17]. «Мы желаем вам здоровья, но чем больше вы за него заплатите, тем лучше» – такая формулировка миссии крупной фармацевтической компании была бы по-настоящему честной и соответствующей природе бизнеса. Но искренность прямо противоречит логике маркетинговых коммуникаций.

Университеты как производители социального блага в виде высшего образования пока ещё ограждены от установки на тотальную капитализацию принципами качества и доступности образования, которые гарантируются, во всяком случае, на уровне нацио-

нальных государств и провозглашаются на уровне международных договорённостей¹. Сочетание принципов качества и доступности образования с позиций институционального управления – задача нетривиальная. Ясно, что требование доступности в отношении знания склоняет образовательные институты к его массовизации и популяризации, а требование качества – к индивидуализации и фундаментализации. В проекции на область социальных идеалов эти тенденции можно обозначить как эгалитарную и элитарную. Однако само существование знания выступает онтологическим условием успешного решения задачи.

Формально противоречивое выражение «эгалитарная элитарность знания», по существу, адекватно квалифицирует феномен знания. Знание как будто «нуждается» в том, чтобы быть качественным и доступным, причём одновременно. Если «нужда» в качестве, которое прежде всего выражается в критерии достоверности и в установке на всё большую степень постижения реальности, представляется самоочевидной, то нужда в доступности отнюдь не столь очевидна. Более того, тенденции элитаризации ведущих университетов мира явно противоречат принципу доступности. (Акцентирование финансово-экономической мощи в ведущих глобальных рейтингах университетов очень способствует такой элитаризации). Тем не менее, университеты остаются одними из наиболее миссиотропных организаций современного мира. Характер и фундаментальное, проистекающее из сущности знания условие этой миссиотропности удобно раскрывать по контрасту с кастовой тенденцией, проявляющейся в динамике реализации капиталистического общественного идеала в современном мире, для анализа которой авторами был предложен

¹ Болонская декларация. Зона европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования. г. Болонья, 19 июня 1999 года. URL: https://www.msmsu.ru/userdata/manual/images/fac/ped_obr/Bolonskaja_deklaracija.pdf (дата обращения: 01.06.2021).

инструментарий фундаментальной мотивационной матрицы (ФММ) [2].

В соответствии с антропологической дистинкцией личностного и природного бытия человека и социально-психологической дистинкцией наказания и поощрения ФММ задаёт четыре фундаментальных типа мотивации: упоение (мёд), укорение (мягкая плётка), удовлетворение (сухой пряник) и ущемление (суровый кнут) [2]. Упоение и укорение обращены к личности, удовлетворение и ущемление – к природе человека. В социально-психологическом плане пара «упоение» и «удовлетворение» представляет типы поощрения, а «укорение» и «ущемление» – типы наказания. Краткая характеристика типов по ФММ представлена в публикации авторов [2]. Там же с позиции ФММ рассмотрено принципиальное положение в современном глобальном культурном пространстве феноменов труда, роскоши и инвестиций. Положение труда охарактеризовано как дефицитное, роскоши – как культовое, а инвестиций – как ажиотажное [2]. Положение феномена труда в современном информационном пространстве не спасают ссылки на коренящуюся в протестантизме «трудо-вую этику» развитых капиталистических стран [18–20]. Передний фронт глобального информационного пространства ни в коей мере не подтверждает заинтересованности глобальной элиты в публичной высокой оценке феномена труда. Современное искусство, реклама, шоу-бизнес, а главное – явно разогреваемый инвестиционный ажиотаж, радикально разрывают связь жизненного успеха с трудовыми усилиями. Успех даётся легко и, главным образом, потому, что вы – успешные люди – «этого достойны». Это одно из многочисленных явных и ярких кастовых представлений, укрепляющихся в массовом сознании. Дефицита реального труда в связи с отсутствием культа труда элита очевидно не ожидает – в связи с неизбежной вынужденностью трудиться основной массы населения земли, не преуспевшей в инвестиционной гонке.

Однако та же информационная пере-довица, а также практика корпоративного управления показывают, что в отношении личностных мотивов наблюдается ещё один явный перекос: если мотив упоения, творческой энергии востребован как культивируемая ценность и атрибут самоидентификации лидеров капиталистической экономики, то мотив морального укора, так называемая этическая ответственность, актуализируется преимущественно как инструмент конкурентной борьбы. А ведь идея морали, её соль состоит в признании совести, то есть способности к самоукорению. Реальность собственной совести экономической элитой, конечно, признаётся, но сразу в качестве чистой. В отношении корпоративного управления неактуальность совести подтверждается тенденцией к юридизации этической сферы: всё шире внедряемые этические кодексы постепенно превращаются в стандартные административно-правовые документы, которые сродни правилам внутреннего трудового распорядка или должностным инструкциям. Призывы к совести излишни, когда есть возможность наказать за неэтичное поведение.

Углубляющаяся юридизация и инструментализация морали в сочетании с культом роскоши указывают на «упоительную» веру элиты в собственную исключительность. Мораль оказывается почти что лишней: себя укорить не в чем, а другими проще управлять посредством правовых, а не моральных норм. И только на сильных конкурентов ещё есть смысл оказывать моральное давление, просто потому что обстоятельства не позволяют пока уничтожить их другими средствами – экономическими, правовыми, политическими или просто физическими. Таким образом, возникает очень важная линия кастового расслоения: личностные способы мотивирования в отношении трудящихся масс начинают мыслиться излишними; здесь недостаточны технологии, основанные на глубоком научном понимании природного начала человека. В самовосприятии элиты начинает доминировать вера в априорную

доброкачественность собственных побуждений. Упомянутая уже логика инвестиционной гонки придаёт этой вере мистическую тональность, поскольку именно априорная моральность, избранность задним числом мыслится как фундаментальная основа успеха в инвестиционной гонке: формула «Я умный, поэтому богатый» расширяется и обращается до формулы «Я богатый и на этом основании – достойный».

Логика, приводящая к современному инвестиционному буму, заслуживает отдельного внимания. Разумеется, инвестиции как инструмент развития капиталистической экономики возникают вместе с капиталистической экономикой: инвестировать – значит создавать капитал; создать капитал – значит инвестировать. Разумеется также, что современному инвестиционному буму сильно способствует быстрая электронная коммуникативная среда современного общества. Однако логика, приводящая к инвестиционному буму, прослеживается и в более глобальной социокультурной динамике капитализма. Эту логику можно выразить триадой концептуальных понятий: «общество массового потребления», «общество массового кредитования», «общество массового инвестирования».

Капиталистическое общество массового потребления в социокультурном отношении – это общество изобилия, доступного для всех, земной рай, о котором коммунисты только мечтают, а рыночная экономика если и не обеспечивает равного уровня потребления для всех, то, во всяком случае, обещает быструю его возможность для любого, кто принимает правила игры [21]. Сначала «кажется», что надо просто больше работать, чтобы достичь желаемого уровня потребления. Потом оказывается, что потребности растут быстрее, нежели доходы от труда. Реклама жизненного комфорта и доступных кредитов вступают в резонанс и делают весьма соблазнительной жизнь в долг. Наличие кредита, однако, означает, что надо оплачивать одновременно жизнь

в настоящем и жизнь в будущем. Кредиты не спасают, и трудовых доходов для такой интенсивности потребления остаётся недостаточно. Или это должен быть весьма интенсивный высокооплачиваемый труд, но и в такой ситуации потребительский аппетит может вырваться вперёд. Становится «очевидным», что надо становиться капиталистом, то есть переориентироваться на нетрудовые доходы, а значит – начинать инвестировать. Приводит ли инвестиционный ажиотаж к инновационным прорывам в экономике – вопрос отдельный. (Есть и другие способы концентрации финансовых ресурсов на прорывных направлениях). Но несомненно, что этот ажиотаж энергично углубляет расслоение общества на богатых и бедных, причём вне какой-либо зависимости от трудового вклада личности в обеспечение общественного благосостояния.

Представляется, что университеты входят в число институциональных сил, наряду с отдельными национальными государствами, религиозными объединениями, традиционной семьёй, объективно препятствующих кастовым тенденциям в современном мире. Генеральная линия этого объективного противодействия состоит в культивировании университетами знания в качестве высшей ценности. Это культивирование имеет онтологическую и социальную проекцию, совмещавшую в том и другом случае эгалитарный и элитарный статус знания.

Онтологическая проекция знания как высшей ценности состоит в необходимости для субъекта познания диалогического, то есть фундаментально личностного подтверждения положения собственного сознания и своей личности в качестве первоисточника интенциональных актов. Представляется, что суверенность субъекта рефлексии находит удовлетворительное подтверждение только во взаимооткровении самобытных субъектов рефлексии, то есть личностей [22]. Таким образом, в опыте достижения знания для человека удостоверяется равнозначность, равенство личностного бытия

людей как таковых. Диалогическое удостоверение личности как познающего начала не следует путать с так называемым социальным доказательством, то есть способом подтверждения истинности суждения посредством ссылки на его признание большим числом других людей. В онтологическом удостоверении подтверждается не содержание знания, а личностное бытие субъекта знания [22; 23].

В социальной проекции университетского культивирования ценности знания – в миссии просвещения – также выявляется единство эгалитарного и элитарного статуса знания. Это университетская миссия просвещения. Речь здесь идёт не о специальных просветительских мероприятиях в рамках, например, реализации так называемой «третьей миссии» университета [24]. Такие мероприятия сами по себе важны. Однако фундаментальное университетское просвещение – иного рода, специальные просветительские акции суть только дополнения к нему. Основной образовательный процесс предполагает усвоение научно обоснованных знаний, а также достижение понимания логики научного обоснования знаний. Обучаясь в университете, студент не просто осваивает сумму необходимых для его будущей профессии компетенций, не просто овладевает знанием в качестве цели своего образования, но осознаёт и принимает знание как ценность, как горизонт абсолютной истины, интуиция которой делает осмысленной саму познавательную деятельность человека и выявляет ценностный смысл критериально значимого вида научной деятельности – доказательства. Феномен доказательного умозаключения в социальном отношении является предельно элитарным и предельно эгалитарным: осмысленное доказательство в принципе невозможно вне интуиции абсолютной истины и при этом как феномен в принципе доступно любому.

Фундированное наукой университетское образование приобщает человека к ценности истины и к логически связанным с ценностью

истины ценностям личности и наибольшей конкретной солидарной общности людей, каковая в естественном языке именуется Родиной [14; 15]. Далее свой миссиотропный аксиологический потенциал университет реализует в стремлении к ценностной конкретизации предельной, глобальной общности человечества. Он выступает интеллектуальным инкубатором для возвращения социокультурной модели «диалога культур» – не просто площадки для культурного диалога, а пространства формирования и развития жизнеспособной модели социума, обладающего всеми атрибутами цивилизационного богатства и единства и выступающего альтернативой моделям «плавильного котла» и «мультикультуризма» [25].

Заключение

Устойчивость, которую демонстрируют университеты и университетская традиция в современном быстро глобализирующемся мире, заслуживает истинно философского удивления. Казалось бы, как производители исключительно ценного «продукта», лучшие университеты мира давно должны были быть приватизированы крупными частными корпорациями, а остальные должны были быть поглощены брендовыми лидерами рынка высшего образования или просто исчезнуть, не выдержав конкуренции. Понятно, что такой тенденции препятствуют законодательно закреплённые многими развитыми национальными государствами гарантии качественного и доступного высшего образования для граждан. Но ведь ничто не мешает богатым корпоративным университетам за счёт высокой оплаты научно-педагогического труда и создания лучшей инфраструктуры для академической деятельности привлекать лучшие кадры и максимальное число студентов, способных оплачивать рыночную стоимость образования, тем самым обеспечивая себе конкурентное преимущество по аналогии с ведущими промышленными брендами и с выгодой для своих бенефициаров торговать высшим образованием. Подобные уни-

университеты существуют уже достаточно давно, и если бы в отношении высшего образования могла бы беспрепятственно работать логика рыночной экономики, как с автопромом, например, то, кроме ведущих брендовых университетских корпораций, никаких иных вузов в мире бы не осталось, разве что в немногих социалистических государствах. В такой теоретически допустимой перспективе (а экономически очень даже реалистической) доступность образования очевидно оказывается резко ограниченной экономической состоятельностью абитуриентов, а университеты постепенно превращаются в элитарные учебные заведения, фактически закрытые для неэлиты, ведь при реализации такого сценария через несколько поколений благосостояние и образованность достигнут отношения однозначной прямой корреляции: университеты для богатых, командные высоты и высокое благосостояние – для образованных.

Что же сдерживает такую логически возможную, а экономически и весьма вероятную тенденцию? Только ли историческое культурное наследие и соответствующая этому наследию социальная политика развитых национальных государств? А может, социальная ответственность корпораций? Или прагматизм элиты, понимающей, что таланты рождаются и в бедных семьях? Но прагматизм знает выход в виде специальных грантов на образование и хорошей оплаты наёмного труда, тем более что при большой численности населения возникает избыток не только трудовых ресурсов, но и даже талантов, так что вертикальная мобильность бедных может иметь радикально исключительный режим. Представляется, что основной сдерживающий фактор, сохраняющий эгалитарную социальную ориентацию университетов, обладает онтологическим статусом и коренится в веритистской сущности знания [26]. Знание обращает личность к истине, истина элитарна и эгалитарна по сути. Таким образом, чем более университеты отвечают собственной аксиологии, тем более

университеты сопротивляются кастовым тенденциям глобальной капиталистической экономики.

Литература

1. *Йоргенсен М., Филлипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
2. *Цхадая Н.Д., Безгодков Д.Н., Беляева О.И.* Университетское образование и ценностная проекция концепции корпоративной социальной ответственности // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 4. С. 86–98.
3. *Цхадая Н.Д.* Ценности в стратегическом управлении современным российским университетом // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 3. С. 105–112.
4. *Наумова Е.И., Соколов Е.Г.* Дискурс университета: знание в эпоху современных форм развития капитализма // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 3. С. 142–150. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-142-150>
5. *Безгодков Д.Н.* Концептуальные основы организационной культуры вуза // Высшее образование в России. 2008. № 7. С. 125–130.
6. *Игнатьев В.П.* Опозиции и антиномии современной образовательной реальности // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 3. С. 87–103. DOI: [10.31992/0869-3617-2021-30-3-87-103](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-87-103)
7. *Лосский Н.О.* Избранное. М.: Правда, 1991. 622 с.
8. *Франк С.А.* Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. 656 с.
9. *Эрих В.Ф.* Сочинения. М.: Правда, 1991. 575 с.
10. *Гуссерль Э.* Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 464 с.
11. *Коцюба В.И.* Кантовская критика онтологического доказательства // Concept. 2009. № 1. С. 22–38.
12. *Безгодков Д.Н.* Университетское образование как освоение парадигмальных установок мышления // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4 (3). С. 6–11.
13. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Т. 1. М.: Правда, 1990. 490 с.
14. *Цхадая Н.Д., Безгодков Д.Н.* Актуальные вопросы ценностно-акцентированного инженерно-технического образования // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 2. С. 115–126. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-2-115-126>

15. Безгодков Д.Н. Аксиология С.Л. Франка и организационная культура вуза // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4 (3). С. 30–36.
16. Цхадая Н.Д., Безгодков Д.Н., Беляева О.И. Ценности в диалектике структурной и средовой составляющих университета // Высшее образование сегодня. 2018. № 8. С. 10–14.
17. Башкиров С.П. Что могут не решить кадры? Размышление о призыве бизнес-варягов во власть // Concept. 2009. № 1. С. 118–126.
18. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
19. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек: Пер. с англ. М.: АСТ, 2015. 576 с.
20. Сафранин Т. Германия: самоликвидация : Пер. с нем. М.: АСТ, 2016. 560 с.
21. Бодрийяр Ж. Общество потребления: Пер. с фр. М.: АСТ, 2020. 320 с.
22. Безгодков Д.Н. Диалогизм как преодоление релятивистского «соблазна» социальной эпистемологии // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8. С. 29–33.
23. Несмелов В.И. Наука о человеке. СПб.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000. 438 с.
24. Цхадая Н.Д., Безгодков Д.Н., Беляева О.И. Когнитивный тренд в реализации третьей миссии университета // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2. С. 117–133. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-28-2-117-133>
25. Горенко Г.М., Безгодков Д.Н., Горенко И.В. «Исправление имён» в понимании кризисных явлений современной культуры // Вестник развития науки и образования. 2018. № 2. С. 59–69.
26. Моркина Ю.С. «Веритизм» Э. Голдмана как нормативистское направление в социальной эпистемологии // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 712 с.

Статья поступила в редакцию 20.05.21

После доработки 10.06.21

Принята к публикации 15.06.21

References

1. Jorgensen, M., Phillips, L. (2002). *Discourse Analysis as Theory and Method*. SAGE Publications Ltd, 230 p. (Russian translation: Kharkiv : Humanitarian center, 352 p.)
2. Tskhadaya, N.D., Bezgodov, D.N., Belyaeva, O.I. (2021). University Education and the Value Projection of the Concept of Corporate Social Responsibility. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 4, pp. 86-98, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-4-86-98> (In Russ., abstract in Eng.).
3. Tskhadaya, N.D. (2018). Values in Strategic Management of the Modern Russian University. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27, no. 3, pp. 105-113. (In Russ., abstract in Eng.).
4. Naumova, E.I., Sokolov, E.G. (2021). University Discourse: Knowledge in the Era of Modern Forms of Development of Capitalism. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 3, pp. 142-150, doi:10.31992/0869-3617-2021-30-3-142-150. (In Russ., abstract in Eng.).
5. Bezgodov, D.N. (2008). [Conceptual Foundations of University's Organizational Culture]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 7, pp. 125-130. (In Russ.).
6. Ignatiev, V.P. (2021). Oppositions and Antinomies of Modern Educational Reality. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 3, pp. 87-103, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-3-87-103 (In Russ., abstract in Eng.).
7. Losskii, V.N. (1991). *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow : Pravda Publ., 622 p. (In Russ.).
8. Frank, S.L. (1995). *Predmet znaniya. Dusha cheloveka* [The Subject of Knowledge. The Human Soul]. St. Petersburg : Nauka Publ., 656 p. (In Russ.).
9. Ern, V.F. (1991). *Sochineniya* [Essays]. Moscow : Pravda Publ., 575 p. (In Russ.).
10. Husserl, E. (2005). *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow : Territoriya budushhego Publ., 464 p. (In Russ.).

11. Kotsyuba, V.I. (2009). [Kant's Critique of Ontological Proof]. *Concept*. No. 1, pp. 22-38. (In Russ.).
12. Bezgodov, D.N. (2012). University Education as the Development of Paradigmatic Attitudes of Thinking. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Herald of Vyatka State University for the Humanities*. No. 4 (3), pp. 6-11. (In Russ., abstract in Eng.).
13. Florensky, P.A. (1990). *Stolp i utverzhdenie istiny* [The Pillar and Affirmation of Truth]. Vol. 1. Moscow : Pravda Publ., 490 p. (In Russ.).
14. Tskhadaya, N.D., Bezgodov, D.N. (2020). Current Issues of Value-Focused Engineering and Technical Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 29, no. 2, pp. 115-126, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-2-115-126> (In Russ., abstract in Eng.).
15. Bezgodov, D.N. (2011). S.L. Frank's Axiology and Organizational Culture of Higher Education Institution. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Herald of Vyatka State Humanities University*. No. 4 (3), pp. 30-36. (In Russ., abstract in Eng.).
16. Tskhadaya, N.D., Bezgodov, D.N., Belyaeva, O.I. (2018). Values in Dialectics of Structural and Environmental Components of the University. *Vysshee obrazovanie segodnya = Higher Education Today*. No. 8, pp. 10-14. (In Russ., abstract in Eng.).
17. Bashkirov, S.P. (2009). [What Can the Personnel Not Solve? Reflection on the Appeal of Business Varangians to Power]. *Concept*. No. 1, pp. 118-126. (In Russ.).
18. Weber M., Baehr, P.R., Wells, G.C. (2002). *The Protestant ethic and the "spirit" of capitalism and other writings*. Penguin, 392 p. (Russian edition in: Weber, Max. *Izbranny'e proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow : Progress Publ., 1990, 808 p.)
19. Fukuyama, F. (2006). *The End of the History and the Last Man*. Free Press, 464 p. (Russian edition: trans. by Levin, M.B., ed. by Nikitenko, N., Moscow : AST Publ., 2015, 576 p.)
20. Sarrazin, T. (2010). *Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen*. Deutsche Verlags-Anstalt, 464 p. (Russian edition: trans. by Nabatnikova, T., ed. by Nikitenko, N., Moscow : AST Publ., 2016, 560 p.)
21. Baudrillard, J. (1974). *La societe de consommation ses mythes, ses structures*. Gallimard, 320 p. (Russian edition: trans. by Samarskaya, E.A., ed. by Trushechkina, E., Moscow : AST Publ., 2020, 320 p.)
22. Bezgodov, D.N. (2018). Dialogism as Overcoming the Relativistic "Temptation" of Social Epistemology. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura = Society: Philosophy, History, Culture*. No. 8, pp. 29-33. (In Russ., abstract in Eng.).
23. Nesselov, V.I. (2000). *Nauka o cheloveke* [Science of Man]. St. Petersburg : Center for the Study, Safeguarding and Restoration of the Heritage of Priest Pavel Florensky, 438 p. (In Russ.).
24. Tskhadaya, N.D., Bezgodov, D.N. (2019). Cognitive Trend in the Implementation of the Third Mission of the University. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 2, pp. 117-133, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-28-2-117-133> (In Russ., abstract in Eng.).
25. Gorenko, G.M., Bezgodov, D.N., Gorenko, I.V. (2018). "Correcting Names" in Understanding the Crisis Phenomena of Modern Culture. *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya = Bulletin of the Development of Science and Education*. No. 2, pp. 59-69. (In Russ., abstract in Eng.).
26. Morkina, Yu.S. (2010). [Goldman's Veritizm as the Normativist Direction in a Social Epistemology]. In: Kasavin, I.T. (Ed). *Social'naya epistemologiya: idei, metody, programmy* [Social Epistemology: Ideas, Methods, Programs]. Moscow : «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 712 p. (In Russ.).

*The paper was submitted 20.05.21
Received after reworking 10.06.21
Accepted for publication 15.06.21*